

Дмитрий Колесов

ПСИХОЛОГИЯ ВОСПРИЯТИЯ НОВИЗНЫ

Новизна мысли

Общеизвестный факт: впервые пришедшую нам в голову мысль мы воспринимаем (расцениваем) именно как впервые пришедшую – новую. Повторно приходя в голову, эта мысль воспринимается (расценивается) нами уже как не-новая. Следовательно, сам факт ее прихода делает ее не-новой. Вопрос: изменилось что-либо в самой мысли или же в нас?

Узнаваемость

Вариант первый. После того как мысль пришла в голову, что нами было осознанно, она обретает маркер не-новизны – узнаваемости. И тогда мы реагируем на этот маркер, причем он связан с полным содержанием мысли: ведь помимо новизны или не-новизны нам важно сознавать и ее тождественность – новая она или не-новая, но – та же самая. Более того, без фиксации тождественности мысли мы не можем вообще судить о том, новая она или не-новая, и насколько. Следовательно, оставаясь сама собой, *мысль как бы обретает маркер не-новизны: узнаваемости.*

Осознание мысли

Вариант второй. Все мысли, впервые приходящие нам в голову, изначально имеют маркер новизны, которого лишаются – после их осознания. Этот вариант менее правдоподобен, поскольку не может все информационное богатство окружающего мира и весь творческий потенциал внутреннего мира изначально иметь какие-либо маркеры (для нас): не-новизна мысли – это скорее результат происходящих с нами изменений после осознания этой мысли. Следовательно, **не-новизна чего-либо, актуально нами воспринимаемого, – это прямое следствие того, что аналогичное было уже нами воспринято, и след этого в головном мозгу сохраняется.**

Связь восприятия новизны с памятью

Что значит «не-новая мысль»? Это значит, что в нашей памяти она (ее аналог) уже есть, и, следовательно, сличив пришедшую в голову мысль с тем, что уже зафиксировано в памяти, мы можем определить: новая это мысль или не новая. Действительно, ведь прежняя мысль может заново придти нам в голову. Но «заново» – это не значит «новое», и более того, это фиксация нами не новизны, а повторности (чего-либо). Отсюда следует, что *восприятие новизны неразрывно связано с механизмом фиксации – памяти: черт воспринятого*, будь это собственная мысль, родившаяся в нашей психике, или же стимул из внешнего мира, образ какого-либо его объекта.

Память – фильтр
восприятия

Отсюда вполне естественным и логичным становится предположение о том, что память является не только некоей «кладовой», из которой индивид черпает информационные ресурсы, но что *память является изначальным фильтром, через который проходят параметры всех вновь воспринимаемых индивидом стимулов*. Или – полем сопоставления. Когда мы воспринимаем что-либо новое для нас, вслед за этим включается ориентировочная реакция, а если мы воспринимаем что-либо не-новое, то мы исходим из уже определенной (ранее) его значимости и, быть может, уже сложившегося к этому отношения, но без ориентировочной реакции.

Ориентировочная реакция – жизненно важный феномен, и естественно, что она должна возникать сразу же, в момент появления объекта восприятия, – но после выявления его новизны. Следовательно, *выявление новизны или не-новизны воспринимаемого должно предшествовать всем последующим процессам в мозгу и действиям индивида*. Отсюда следует **авангардная позиция памяти в процессах реагирования индивида на факторы окружающего мира, начиная с определения их новизны**.

Рецептивное поле
памяти

Известно, что каждую мысль, новая она или не-новая, мы воспринимаем, как отдельную: «это – одна мысль», «это – вторая мысль», и т.д. Как обеспечивается такая дискретность? Нейропсихически – только одним механизмом: наличием множества ячеек памяти, в их совокупности образующих целое (рецептивное) поле, и каждый стимул воспринимается только одной из ячеек, даже если он сложный. Просто под ячейкой мы должны подразумевать не единственный нейрон, а их ансамбль, совокупность, группу воспринимающих актуальный стимул: единство времени, места, природы стимула. Рецептивное поле памяти – восприятия новизны есть поле, составленное из множества групп, каждая из которых способна запечатлеть достаточно сложные совокупности черт воспринимаемого.

Такое рецептивное поле можно сравнить с пчелиными сотами: какие-то из них заполнены, какие-то пусты, и последние постепенно могут заполняться – медом или пылью. Если посмотреть «соты» на просвет, то можно выявить пустые и заполненные ячейки и новую информацию направить в пустую ячейку.

Предположение о существовании рецепторного (матричного) поля памяти – восприятия новизны делает естественным предположение о «сканировании» этого поля, т.е. сличении черт актуально воспринимаемого с уже зафиксированным в нем. Если совпадения

Функциональное
единство памяти,
сознания
и восприятия
новизны

нигде нет, воспринимаемое является новым, и совокупность его черт заполняет свободную ячейку. Если черты совпадают, то они усиливают фиксацию того, что уже было (не случайно повторение одного и того же способствует все более прочному запоминанию), но не занимают новой ячейки.

Таким образом, *механизмом выявления новизны воспринимаемого является сличение его параметров с тем, что уже зафиксировано в памяти*, и именно несовпадение черт воспринимаемого ни с одной из ячеек является признаком его новизны. Этот механизм может работать с некоторыми сбоями: порою мы воспринимаем некую мысль, как новую, но затем вспоминаем, что «нечто подобное нам уже приходило в голову». Если же параметры мысли отличаются более значительно от того, что зафиксировано в памяти, мы воспринимаем эту мысль, как новую, но «в чем-то сходную с уже бывшими ранее». И еще: матрица памяти должна быть связана с полем сознания, ведь новизну мысли мы определяем именно в сознании. Именно оно некую мысль, как таковую, квалифицирует, как новую, не-новую или модифицированную. При этом функциональное единство механизмов памяти, сознания и восприятия новизны дополнительно подтверждается тем фактом, что важным механизмом осознания нами чего-либо из прошлого является его припоминание.

Если новый объект в окружающем мире вызывает ориентировочную реакцию, то новая собственная мысль воспринимается иначе. Вместо ориентировочной реакции она вызывает эмоциональное подкрепление положительного гедонического тона – нам приятно, что нам в голову пришла новая (содержательная) мысль. Ориентировочная реакция здесь не нужна, поскольку новизна эта – новизна в нашей психике: она нас может волновать, но чужеродной у психически здорового индивида она быть не может.

Реакция на новизну
в онтогенезе

Последовательность проявлений реакции на новизну, ориентировочной реакции и эмоционального подкрепления новизны – отдельная содержательная проблема. О том, как это соотношение формируется в онтогенезе, можно проследить у ребенка раннего возраста. Ребенок первого месяца жизни способен к сенсорному (зрительному и слуховому) сосредоточению, причем к слуховому – еще за два-три месяца до рождения (об этом свидетельствуют наблюдения педиатров и акушеров). На втором-третьем месяце у него уже отчетливые признаки эмоционального подкрепления но-

визны: комплекс оживления и радость при виде новой игрушки. Ориентировочной реакции пока еще нет. Она начинает проявляться после трех месяцев, когда ребенок начинает по-разному реагировать на незнакомых ему людей – одних подпускает к себе, других нет, проявляет негативные эмоции (испуг, плач). Вместе с тем условием для возникновения какой-либо реакции ребенка на объект является зрительное или слуховое сосредоточение, а оно проявляется отчетливо уже в первые недели жизни. Из этого сосредоточения «вырастает» и ориентировочная реакция, и эмоциональные проявления.

Что такое ориентировочная реакция в общебиологическом плане? Это – определение (выявление) существом значимости воспринимаемого. Естественно, что механизмы подкрепления новизны воспринимаемого должны сформироваться раньше, чем способность центральной нервной системы определять его значимость. И характерно, что эта способность у ребенка формируется одновременно с началом двигательного поведения – появлением произвольных движений. *Ребенок примерно с одного возраста начинает тянуть руку к игрушке и по-разному воспринимать незнакомых людей.* То, что ребенок по-разному реагирует на новых людей – это проявление и защитной его реакции: одни взрослые ее вызывают, другие – нет.

Общение ребенка с другими людьми в принципе всегда положительно подкрепляется (эмоционально) и оно «воодушевляет» ребенка. Но именно с возраста после трех-четырех месяцев изначальное оживление прекращается ориентировочной реакцией, и неизвестное начинает восприниматься им настороженно. Но ведь неизвестное – это и есть новое. Следовательно, к изначально положительному восприятию ребенком новизны присоединяется связанный со значимостью этого нового дифференцировочный регуляторный компонент, усложняющий восприятие новизны.

Детектор новизны

Уже упомянутое нами поле памяти – **восприятия новизны** – образовано дискретными элементами, о которых мы уже сказали. Каждый такой элемент, будучи способным к восприятию новизны, может расцениваться как рецептор новизны. Но этого мало: он обладает свойствами не только восприятия (рецепции) новизны, но и свойствами распознавания ее (детектирования). Следовательно, его справедливо было бы называть детектором новизны. Но эту свою детекторную роль каждый из рецепторов новизны может реализовать только совместно с другими рецепторами. Исходя

из этого, следует признать, что при всем множестве участвующих в восприятии новизны рецепторов, *детектор новизны един: это все рецепторы поля памяти вместе*. Он функционирует как единый детектор нового или не-нового, поскольку обязательность «сканирования» этого поля содержанием воспринимаемой информации актуально его объединяет в единое функциональное целое.

Ресурсы этого рецептивного поля постепенно возрастают: по мере все более полного онтогенетического развития нейронов и функционального включения их в поле. Вход в него происходит от сенсорных систем восприятия окружающего, из внутреннего мира, а также и от своего тела. Не случайно, обладая навыками самоконтроля, индивид способен уловить и нечто новое в состоянии собственного тела. Отсюда вывод: *мы обладаем рецепторами новизны во внешнем мире, рецепторами новизны во внутреннем мире (психике) и рецепторами новизны в собственном организме*. При этом новизна в своем организме, конечно же, нежелательна, если только речь не идет о внешнем облике индивида, который закономерно меняется в ходе онтогенеза.

Новизна и
значимость

Все последующее мы воспринимаем на основании оценок ранее воспринятого. Именно оно расширяет базу нашей оценки актуальных стимулов из окружающего мира. Этому соответствует известный факт – чем индивид «по жизни» опытнее, тем он легче и быстрее ориентируется в окружающем, со всей его сложностью, новизной или не-новизной. *В соотношении новизны и значимости более весомой является значимость* – именно она определяет характер наших действий и вероятность продолжения нашей жизни. Новое же важно тем, что его значимость еще не определена и может оказаться очень большой. *Но после того, как значимость определена, стимул (или объект) в последующих жизненных ситуациях уже не является для нас новым. Значимость же он сохраняет – независимо от этого*. Правда, с точки зрения потребности индивида во все новой информации, ее новизна и сама по себе является фактором ее значимости, независимо от значимости с точки зрения продолжения жизни индивида.

Тот факт, что значимость важнее новизны, подкрепляется и тем, что маркерами значимости некоторые стимулы окружающего мира обладают изначально: сенсорные системы даже новорожденного способны воспринимать значимость стимулов, имеющую инстинктивный, врожденный, филогенетический характер: т.е. факторов, которые поначалу неизвестны индивиду, но

хорошо «известны» виду. Действительно, новорожденный может испугаться излишне сильного звука или интенсивного света, хорошо различает вкус грудного молока: сладкое отличает от горького. «Знание» им того, что горькое непригодно для него, заложено наследственно. И впервые ощутив у себя во рту горькое, он морщится и выплевывает его. «Знание» непригодности горького для пищи предсуществует до первой встречи с носителем этого вкусового ощущения: ребенок впервые встречается с ним и сразу же реагирует. Правда, иногда можно заметить, как он в течение одной-двух секунд как бы «задумывается»: оценивает вкус, и этот процесс требует некоторого времени. Это можно расценить, как зачаток ориентировочной реакции: в данном случае – в сфере пищевой потребности. Отсюда вывод, что *для каждой из базисных потребностей ориентировочная реакция в ходе онтогенеза возникает в свое время: в соответствии с уровнем развития и жизненной важностью этой потребности.*

Новизна и базисные потребности

Если признаки ориентировочной реакции на вкус пищи можно выявить с первых дней жизни ребенка, и признаки защитной реакции инстинктивного плана – тоже с первых дней, то поведенческие – после трех-четырёх месяцев (как мы сказали ранее). Признаки же ориентировочной реакции на половую принадлежность другого человека ребенок проявляет только после четырех месяцев: мы обратили внимание на тот факт, что на пятом месяце жизни некоторые дети по-разному реагируют на взрослых мужского и женского пола. Но это различие связано, видимо, не с половой потребностью как таковой, а с потребностью в самосохранении, поскольку поведенческие признаки сексуального развития ребенка отчетливо проявляются только после двух-трех лет. Отсюда можно предположить, что *фиксация в памяти новой информации происходит относительно самостоятельно в сфере каждой из базисных потребностей.* Возможно, что это позволяет индивиду быстрее определять значимость каждого очередного стимула (предварительно «сортировать» их).

Первоначально ребенок способен радоваться новому только в окружающем мире. Но со временем, вместе с развитием фантазии, у него развивается способность и к улавливанию нового в своем внутреннем мире, что эмоционально подкрепляется. И поэтому *дети, склонные к фантазированию, делают это с удовольствием.*

Потребность индивида в новизне

Полезно обратить внимание на то, что расширение поля восприятия нового усиливает потребность индивида в новизне. Отсюда можно предположить, что про-

цесс выявления новизны обладает собственной активностью, которая затрачивается при восприятии нового и различении не-нового. Если стимулов вообще нет, эта энергия остается неизрасходованной и начинается спонтанное ее «проникновение» в сенсорные системы: отсюда – ложные восприятия. Очевидно, что способность индивида к видениям и аналогичным проявлениям псевдовосприятий определяется спонтанной активностью поля памяти – восприятия нового. И эта спонтанная активность, которая ищет себе применения, способна оказывать на психику дезорганизующее воздействие, что имеет место в условиях сенсорной депривации: признаки расстройства согласованного течения психических процессов. Именно отсутствие каких-либо стимулов, и особенно новых, как раз и ведет к такому состоянию. А порою – и к неадекватным поведенческим реакциям, и даже – в подростковом возрасте – к немотивированным поступкам. Спонтанная неорганизованная активность психики проявляется при них той или иной автоматизированной двигательной (поведенческой) реакцией – с последствиями, которые индивиду неведомы: и не предполагаются, и не взвешиваются, и не оцениваются. По существу, немотивированный поступок – это проявление неспособности индивида к опережающему отражению: неспособности к использованию уже накопленного в памяти при организации актуального поведения.

Тот факт, что восприятие нами новизны является активным процессом с вовлечением всех накопленных ранее информационных ресурсов психики, делает понятным неблагоприятное влияние сенсорной депривации на развитие центральной нервной системы ребенка, а также нейропсихических и поведенческих последствий монотонии, начиная с бытового ее варианта – скуки. Стремление человека ко все новому и новому и его адаптация к уже известному заложены в организации его головного мозга, а в нем, по-видимому, в особенностях функционирования рецепторного поля памяти – восприятия новизны. Но наше внимание к уже известному и не вызывающему ориентировочной реакции поддерживается его значимостью: мы уже сказали, что значимость (воспринимаемого) важнее его новизны. Имея постоянно дело со значимым не-новым, индивид от него не утомляется, хотя порою в подобных случаях нам и хочется чего-то «новенького».

Известно, что маленькому ребенку, для того чтобы запомнить что-либо новое, необходимо несколько повторений стимула. Но, с другой стороны, некоторые

Повторение стимула – признак значимости

стимулы фиксируются в памяти сразу же, накрепко, порою – на всю жизнь. Как объяснить это различие? Дело, видимо, опять-таки в соотношении новизны и значимости. Значимое – новое (безусловное) ребенок фиксирует в памяти сразу же, а новое без четких признаков значимости он запоминает постепенно: *здесь именно повторение стимула становится признаком его значимости*. Действительно, то, с чем мы встречаемся регулярно, входит в нашу повседневную жизнь, и поэтому вовсе незначимым быть не может. Как маленькому ребенку, еще не имеющему жизненного опыта, живущему в создаваемых для него родителями условиях, разобраться в том, насколько воспринимаемое им значимо? Единственный вариант: на основании неоднократного повторения стимула. То же самое имеет место и у животных: одно дело нечто, что однократно совпало по времени с безусловным стимулом, другое – то, что совпадает с ним раз за разом.

Этот факт хорошо известен педагогам: для каждого возраста при одной и той же информационной содержательности материала требуется различное число повторений его при заучивании. И принцип «повторенье – мать ученья» имеет два аспекта: *повторное и крепче фиксируется в поле памяти – восприятия новизны, и вместе с тем обретает признаки значимости*. Проблема в другом: как побудить ребенка повторять нечто раз за разом? Вместе с тем не случайно, *что то, что ребенок хорошо усвоил, становится для него значимым, а то, что у него получается хорошо, начинает его интересовать больше*.

Думается, что проблема формирования интересов и склонностей индивида имеет свои истоки именно в особенностях функционирования рецептивного поля памяти – восприятия новизны и соотношении его со значимостью. В конце концов, *значимость чего-либо для нас в окружающем мире тоже имеет некий свой маркер*: поэтому для нас одно более значимо, другое – менее. Видимо, информация о каждом зафиксированном в рецептивном поле памяти – восприятия новизны объекте окружающего мира имеет различную меру связи со сферой потребностей: то, что связано интенсивнее, более значимо для нас, то, что связано менее интенсивно, – менее значимо.

Оценивая поведение ребенка первых месяцев жизни, можно выявить, как сначала проявляет себя кратковременная память, а затем и постепенно – долговременная. Естественно, что и вообще у человека первой формируется кратковременная память, а долговремен-

Восприятие новизны и сфера потребностей

Проявления кратковременной и долговременной памяти в восприятии новизны

ная представлена инстинктами. Это можно объяснить разным «обеспечением» фиксации новой информации в поле памяти – восприятия новизны, но важно, что оба эти вида памяти являются свойствами одного и того же рецептивного поля.

Известно, что ребенок первых двух-трех месяцев жизни эмоционально положительно реагирует на каждую новую яркую игрушку. Но если форма ее примитивна (к примеру, шарик), а цвет монотонный, она ему быстро приедается, и он уже через несколько минут проявляет к ней безразличие: в данной ситуации объект утрачивает для него новизну. Если же это объект сложной конфигурации и разнообразных сочетаний цвета, ребенок разглядывает ее более длительно и эмоционально реагирует на него дольше. Отсюда вывод: *сложность конфигурации воспринимаемого сама по себе может являться признаком его возможной значимости*, и поэтому ребенок уделяет ему больше внимания. А какая именно эта значимость – может быть оценено им только с возрастом. Ведь в условиях, в которых ребенок раннего возраста находится, это невозможно: от особенностей предмета ничего в жизни ребенка не изменяется. Другое дело – предметы, которыми ребенок начинает манипулировать после года: *обретая опыт манипулирования, дети очень четко различают подлинные предметы и предметы-суррогаты* и тянутся к настоящим предметам быта, инструментам отца и т.д., проявляя безразличие ко многим игрушкам, которые являются только игрушками. Следовательно, они способны оценивать подлинную значимость объектов и проявляют это качество отчетливо уже в возрасте после года.

Если двух-трехмесячному ребенку после некоторого перерыва снова дать яркий шарик, то этот шарик на несколько секунд все же привлечет его внимание и ребенок, быть может, проявит прежний, но более кратковременный энтузиазм. Очевидно, что здесь мы имеем соотношения: долговременной и кратковременной памяти, значимости объекта и его новизны. Ведь сначала ребенок реагирует на шарик, как на новый, но быстро вспоминает, что объект-то не-новый, причем это опознание не может быть осознанным: ведь в возрасте двух-трех месяцев этой функции у его психики еще нет. Но по мере взросления продолжительность внимания ребенка к уже известному стимулу неуклонно снижается, и через некоторое время он вообще не обращает на него внимание, сколько ему тот или иной

предмет ни давать в руки. Это – проявление развития долговременной памяти.

Посмотрим теперь на то, какие разновидности новизны можно выделить. Во-первых, это **новизна подлинная**: объект является новым, если индивид никогда не воспринимал его и не слышал о нем. Во-вторых, **новизна кажущаяся**: индивид с данным объектом встречался или слышал о нем что-либо, но потом забыл – именно по той причине, что данная информация оказалась не очень значимой. Правда, потом, и чаще по какой-либо ассоциации, индивид способен вспомнить: «да, действительно, я об этом слышал», или: «да, действительно это было». В-третьих, **новизна ситуационная**: мы впервые воспринимаем уже известный нам объект или индивида в новой ситуации: никогда здесь его мы ранее не встречали, и если этот факт значим, мы говорим: «да, это – новость!». В-четвертых, **условная новизна** объекта, как выявление неизвестных ранее его черт: новизна – неожиданность. Кажалось, нечто известно нам «вдоль и поперек», и вдруг мы выясняем про это нечто еще что-то, и оно для нас – неожиданность. Правда, понятие «неожиданность» по содержанию шире: оно может охватывать и ситуационную, и условную новизну, и наличие у индивида некоей установки на восприятие чего-либо.

Наряду с указанными разновидностями новизны можно указать также и некоторые другие, связанные с характером распространения информации и жизненного опыта среди членов некоего сообщества. Во-первых, **новизна абсолютная**: индивид никогда с данными чертами нового для него объекта не встречался, и обычно не сразу способен сообразить «что это такое». Здесь ориентировочная реакция особенно сильна. Во-вторых, **новизна относительная**: новое с некоторыми уже известными чертами, или новое сочетание уже известных черт: новое системное качество при тех же элементах. Подобное происходит по причине модификации объектов.

Допустим, класс объекта нам понятен сразу, но его род для нас новый. Мы, к примеру, сразу же способны понять, что находящееся перед нами – это боевая машина, и что это – танк. Но данной модели танка мы никогда не встречали, и поэтому это – новая для нас модель. Это – пример относительной новизны: **новизны модификационной**. В-третьих, **новизна индивидуальная**: нечто является новым только для данного индивида, а многим другим «это» достаточно хорошо известно. В-четвертых, **новизна общечеловеческая**: никто и никогда из представителей нашего вида с

чем-либо не встречался: это действительно ново. В большинстве случаев – это новые закономерности и новые факты, выявляемые наукой: она специально этим и занимается. Естественно, что новым для человечества может быть только высокозначимое: на незначимое просто не обратят внимания, и оно останется – при всей его новизне – не воспринятым человечеством, хотя кто-то об этом и знает. Кстати, того, что было бы известно всем без исключения жителям нашей планеты, не так уж и много. Главным образом, это природные условия (Солнце, Луна, смена дня и ночи, смена сезонов года), или собственные физиологические функции, которые одинаковы потому, что имеют как общебиологический, так и общевидовой характер.

Новизна
подлинная

Посмотрим теперь, как функционирует рецептивное поле памяти – восприятия новизны. Первый вариант: новизна (извне) подлинная. Содержание воспринятого единым блоком как бы пробегает по рецептивному полю и при этом фиксируются совпадения или несовпадения, в данном случае – несовпадение. Воспринятое фиксируется в свободной ячейке поля плюс возникает ориентировочная реакция.

Новизна
кажущаяся

Второй вариант: новизна кажущаяся. Происходит тот же процесс, но вследствие нечеткости или неполноты «заполненности» соответствующей ячейки памяти возможно как бы несовпадение ее содержания с содержанием воспринимаемого. И у индивида тоже может возникнуть ориентировочная реакция. Но в процессе ее информационные ресурсы психики могут мобилизоваться (в частности, путем более интенсивного энергетического насыщения ситуации). И индивид припоминает: все же с «этим» он уже встречался. Или же это происходит независимо от ориентировочной реакции, в случае каких-либо ассоциаций, в иных жизненных ситуациях.

Новизна
ситуационная

Вариант третий: новизна ситуационная. Мы уже сказали, что рецептивный элемент – это, по-видимому, группа нейронов, которая способна реагировать на всю совокупность черт единого стимула, сочетания черт актуально воспринимаемого. Здесь, вероятно, важно именно соотношение черт известных с инновационными. Поскольку ситуация – это многофакторное содержание, здесь особенно легко могут наступать сбои при сканировании рецептивного поля: чего-то индивид может не уловить, а что-то «улавливает» ошибочно. Этому соответствуют хорошо известные в психиатрии расстройства именно при восприятии сложных сочетаний факторов: ситуаций, в сравнении с бо-

Ошибочная
ориентировочная
реакция

лее простым числом элементов при восприятии какого-либо единичного объекта.

Например, у индивида, который в данном месте никогда не был, создается впечатление, что «он здесь когда-то уже был». Очевидно, что это *ошибочная реакция признания не-новизны* в действительности нового. И называется это «дежа-вю». Противоположный вариант, связанный с недостаточным качеством того же самого процесса, – «дейя-вю». Индивид попадает во вполне ему известное место, но считает, что «здесь он впервые». Это *ошибочная реакция признания новизны*. Надо сказать, что в единичных случаях подобное бывает с каждым. К примеру, вы идете в определенное место новым маршрутом и вот, придя, первоначально вы его не узнаете: новизна маршрута как бы подавляет не-новизну известного вам места. У вас возникает ориентировочная реакция, и вдруг – прежняя картина данного места всплывает в сознании, вы мысленно «накладываете» ее на реально воспринимаемое и не без удивления обнаруживаете совпадение: вам приходится признать, что «здесь, оказывается, я уже бывал!». Ту же самую роль играет ориентировочная реакция и при выяснении нами того, что место, которое нами воспринимается сначала как известное, затем в действительности определяется, как неизвестное. Но здесь нас выручает еще одна психическая – оправдательная – реакция: мы говорим себе: «посмотрите, как это место похоже на...» и указываем известное место, у которого действительно есть черты сходства с тем, где мы актуально находимся.

В обоих указанных случаях нас выручает критичность мышления. Но если она исчезла или ослабела, что бывает при заболеваниях психики, индивид с уверенностью утверждает про хорошо известное ему место, что «здесь он никогда не был», и с той же мерой уверенности утверждает, что «здесь я уже бывал» – про в действительности новое для него место. Подобные расстройства памяти – выявления новизны особенно выражены бывают в ходе развития болезни Альцгеймера. Вся совокупность подобных ошибочных восприятий новизны или не-новизны – это проявления дереализации, и интересной исследовательской проблемой является выяснение соотношения между критичностью мышления и соответствием воспринятого реальной действительности (выявлением подлинности).

То, что подобное может происходить и со вполне здоровыми людьми (но в единичном плане и чаще – в случае утомления, усталости) и что это порою имеет под собой основание в виде сходства объектов современного

Новое как
обновленное

градостроительства, использовано при написании сценария известного кинофильма Рязанова–Брагинского «С легким паром». Здесь герой попадает в другой город, но «находит» в нем свой дом и свою квартиру. И лишь после этого выясняется, что попал он «не туда» – с точки зрения психического восприятия, но именно «туда» – с точки зрения последующего устройства своей жизни.

Еще одна разновидность новизны, о которой следует сказать, это **новое как обновленное**. К примеру, индивид купил себе новые ботинки – еще одни, в дополнение к тем, что у него уже есть. Предмет этот новым (в принципе) для него не является: он хорошо знает, что такое ботинки и какие черты для них характерны. Но вот эти, купленные последними, – «новые» для него и у него (ботинки).

Важный аспект функционирования рецептивного поля памяти – восприятия новизны: *постепенность заполнения и самого поля (все большее количество задействованных ячеек памяти), и постепенность заполнения каждой из них*. Не случайно, встречаясь раз за разом с чем-либо, мы запоминаем это все лучше, прочнее, все более детализируем его и распознаем скорее. Правда, если индивид страдает шаблонностью восприятия, то узнав что-либо, далее в детали он не углубляется. Очевидно, что познавательные способности и склонности индивида различаются именно по этой причине: одному даже элементарного знания «достаточно», другой – пытливно лезет в глубь вещей, и связано это с различиями в функционировании (емкости) ячеек рецептивного поля памяти: способности или неспособности ко все большему их наполнению.

Но что происходит, если содержание воспринимаемого соответствует более, чем одной ячейке, где частично подобное содержание уже есть? В этом случае в каждой из ячеек еще лучше фиксируется «свое», но и дополнительно: между этими ячейками образуется связь. Не случайно, если мы что-либо про что-то знаем, то последующая относящаяся к «этому» информация укладывается в памяти быстрее: *уже имеющаяся информация не только не препятствует дополнению, а, напротив, им способствует*.

Исходное знание
и накопление
нового

Наличие некоторого исходного знания – важный фактор успешности накопления все нового и нового. Если бы связей между ячейками рецептивного поля памяти – восприятия новизны не было, наличие сходной информации не облегчало бы последующее ее накопление, а, быть может, затрудняло бы его. К примеру, первый иностранный язык выучить труднее, чем второй, а

второй – труднее, чем третий. Конечно, здесь есть и овладение индивида навыками усвоения языка, некоторыми общими для любого языка семантическими приемами. Но нельзя отрицать все же, что *усвоение одной информации как бы прокладывает («проторяет») путь усвоению последующей – как информации вообще, так и в особенности однородной, и объяснить это можно именно возникновением связей между ячейками поля памяти – восприятия новизны. И это – несмотря на то, что в различных языках и написание, и произношение слов различны. Тем не менее усвоение одного языка существенно облегчает усвоение другого; здесь имеет место также и феномен тренировки памяти.*

Надо думать, что и значимость чего-либо мы усваиваем не сразу во всей ее полноте, а постепенно: сначала элементную, а затем системную, и последняя фиксируется именно в результате наличия связей уже усвоенного с чем-либо новым. Ведь у соотношения «элемент–система» есть не только иерархический, но и значимостный аспект.

Умение
прислушиваться
к себе

Все, что мы сказали, следует расценивать, как попытку найти нейропсихическое объяснение хорошо известных и бесспорных самих по себе фактов из сферы восприятия нами новизны в окружающем мире, в собственной психике и собственном организме. Мы должны уметь прислушиваться к себе и быть способными своевременно улавливать и оценивать «новое». Правда, у вполне здорового индивида ничего «нового» в организме не должно возникать – иначе это начало или проявление какого-либо заболевания.

Умение прислушиваться к себе, своему организму – важный фактор сохранения здоровья: каждый индивид должен уметь оценивать те или иные сдвиги в своем состоянии. А тот факт, что «новое» в организме может появляться не столь уж редко, подтверждается общеизвестным же фактом: наличием мощного эволюционного механизма самоинформирования – механизма боли. Если к происходящему вокруг нас мы можем относиться по-разному, в зависимости от степени его новизны и значимости, то к тому, что происходит в собственном организме, внутри нас, мы вынуждены относиться, как к самому значимому. Об этом позаботилась природа: она не доверяет психике определять степень значимости того, что происходит внутри организма, а навязывает ей оценку – непереносимостью боли. Скажите, что делает профессиональный философ, когда у него заболит зуб? Неужели он еще более углубляется в решение мировых проблем? Вряд ли: он свои

Порог
самовосприятия

занятия откладывает в сторону и начинает ходить взад и вперед, держась за щеку: единственный вид деятельности, доступный ему в такой ситуации!

Компетенция психики – окружающий мир, и только постепенно индивид учится оценивать состояние и своего организма – не только по уровню боли, но и тогда, когда ее нет. Правда, и в этом должна быть мера. В частности, при таком заболевании, как ипохондрическая форма шизофрении, у индивида значительно снижается порог самовосприятия: он начинает ощущать изменения просвета трубчатых органов, и в первую очередь, перистальтику кишечника. Вот ему и начинает казаться (и мучает его), что у него «переворачиваются все внутренности». И по ходу развития болезни это становится для него сначала новым, а затем привычно-непереносимым.

Нечто аналогичное происходит у некоторых детей, начавших обучение в школе, при «школьном неврозе»: ребенку надо идти в школу, где его ожидает ситуация, вызывающая негативные эмоции, и у него... начинает болеть живот, хотя функционирование внутренних органов к взаимоотношениям в классе (в том числе и в первую очередь с учителем) отношения не имеет. Но, видимо, при этом состоянии психики порог чувствительности рецепторов самовосприятия снижается, и ребенок начинает ощущать и перистальтику кишечника, и состояние желчных путей (характерные для детского возраста боли вокруг пупка). Частота этого симптома, и не только при школьном неврозе, есть, видимо, следствие того, что в кровообращении плода – до его рождения – важную роль играют сосуды пуповины.

Если сказать ребенку, у которого в преддверии выхода на улицу, в класс заболел живот, что «сегодня он в школу не пойдет», боль быстро проходит. Причем речи о симуляции здесь нет: действительно, боль была и действительно она прошла – при радостном для ребенка известии – прекращении ситуации ожидания психотравмирующего фактора. И вообще, специфическая психическая особенность детского возраста – склонность к диссимуляции: преуменьшению болезненных симптомов (кроме ситуаций школьного невроза). Видимо, это связано с общим положительным эмоциональным настроением ребенка. Соответственно, и у взрослых: при радостном известии болезненные симптомы могут отступить – на время, даже насовсем, если боль имела функциональную, а не органическую причину.

Дополнение
к видам новизны

Итак, в дополнение к тем видам новизны, которые мы охарактеризовали ранее, можно выделить еще од-

ну градацию: новизна в окружающем мире, новизна во внутреннем мире (психике), новизна в собственном организме. Таким образом, получается двенадцать разновидностей новизны. Пожалуй, к этому можно добавить еще одну: новизна значимая и новизна незначимая. Но все же, она скорее производна от значимости того, что воспринимается нами как новое или не-новое, чем от степени его собственно новизны.

Путь познания –
превращение нового
в известное

Мы уже говорили, что новизна и значимость – две разные категории оценки индивидом чего-либо, причем новизна – преходящее и более того – быстро исчезающее качество, а значимость – устойчивое, поскольку значимость «выходит» на наши потребности. Потребности же – постоянный фактор бытия. Формируются и развиваются они постепенно, исчезают (вторичные) редко, а базисные – никогда. Превращение нового в не-новое (известное!) – магистральный путь познания окружающего мира и удовлетворения наших потребностей. Как бы мы ни жаждали нового, как бы к нему ни стремились, *свою жизнь мы поддерживаем за счет не-нового, но значимого*: это – самое ценное, чем мы располагаем!

Павел Тюрин

ИНЦЕСТ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПОИСКА ЛИЧНОСТИ

Инцест как
кровосмесительная
связь

Сексуальное использование детей в семье в последнее время становится социальной и психологической проблемой. Во многом это объясняется распространением либерального взгляда на нестандартные сексуальные ориентации в целом. Несмотря на противоправный характер кровосмешения, в США получили широкую известность биопсихологические доктрины, утверждающие, что инцест не причиняет ощутимого вреда обществу и отдельной личности и преследуется лишь в силу этических соображений; бороться с ним бесполезно. Наказание за совершение кровосмешения может причинить лицам, участвующим в нем, больше вреда, чем сами подобные связи; воздержание от вступления в инцестные отношения может оказать отрицательное воздействие на взаимоотношения внутри се-